

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/chehov/yasinskiy_chehov.html

Осенью 1893 года я по литературным делам уехал в Москву. Шеллер-Михайлов просил меня, между прочим, переговорить с Сытиным об издании Полного собрания его сочинений. В сущности, это было уже второе издание. Первое разошлось еще в семидесятых годах. В Москве мне пришлось остановиться там, где останавливались все писатели по традиции, в "Лоскутной" гостинице, и номер мой пришелся как раз против номера, где остановился Чехов.

С Чеховым я знаком был уже несколько лет. Мы даже чувствовали друг к другу приязнь. Вообще он появился впервые в "Новом времени" под своей фамилией, а не под псевдонимом и сейчас же обратил на себя пристальное внимание всех литературных кругов.

Утром, помню, по делу Литературного фонда я был у Евгения Утина в тот день, когда в "Новом времени" возшла звезда Чехова.

- Обратите внимание! - вскричал Утин и стал вслух читать рассказ Чехова о священнике, который, придя в гости, украл бублик, так он был голоден, чтобы принести его домой детям. - Как свежо! Чисто гоголевское дарование. А вот принеси такой рассказ моему уважаемому родственнику (Стасюлевичу) в "Вестник Европы", пожалуй, не принял бы. У этого Суворина все-таки, надо заметить, большое литературное чутье: нашел Чехова!

Между прочим, о том, как нашел Суворин Чехова, рассказал мне как-то Сергей Атава. По словам Атавы, он всегда увлекался рассказами начинающего писателя, подписывающего свои крохотные рассказы в "Петербургской газете" А. Чехонте. Как-то вечером к нему приехал Маслов, сотрудник "Нового времени" (офицер необыкновенного роста и грациозной тончавости). Атава стал нахваливать Чехонте, а Маслов от него отправился к Суворину, который по вечерам лежал у себя в кабинете на кушетке и выслушивал от сотрудников, посещавших его, разные новости и советы, что предпринять в "Новом времени", что писать, чтобы заинтересовать публику, и кого привлечь к сотрудничеству из новых сил. Суворин потребовал "Петербургскую газету", прочитал рассказ Чехонте и послал ему пригласительное письмо. Результатом такого косвенного влияния Атавы на Суворина и явился дебют Чехова.

Утром я позвонил по телефону Урусову, Кони, Андреевскому и всем рекомендовал прочесть рассказ Чехова о голодном священнике. В один день упрочилась слава Чехова.

Ко мне приехали на другой день писатели Горленко и Щеглов. Щеглов, оказалось, уже хорошо был знаком с Чеховым. Они уговорили меня поехать к новому писателю и поддержать его на первых порах. Для каждого начинающего писателя важно, чтобы старшие товарищи не относились к нему равнодушно. Горленко отстал на полдороге, а мы приехали к Чехову, который, оказалось, приехал из Москвы и остановился у Суворина. Ему была отведена особая комната. После обмена нашими впечатлениями и литературными мнениями по поводу текущего журнального момента Чехов признался нам, что в "Петербургской газете" он чувствует себя, по крайней мере, до сих пор чувствовал, одиноким, потому что был с опущенным забралом:

- Когда пишешь под псевдонимом, который все считают за таковой, как-то несовестно. С позволения сказать, все равно что под плотной маской раздеться донага и показаться перед публикой. Но извольте-ка раздеться и открыть лицо, да еще в газете с установленной репутацией, как "Новое время", по правде сказать, мурашки забегают. Но я сознательно стал писать в "Новом времени": авось, кто-нибудь поддержит меня в моем одиночестве. Суворин сам по себе очень хороший человек, и к тому же даже Буренин, которого все непрочь повесить на первой осине, писатель с большим литературным влиянием: похвалит он или обругает, в особенности если обругает, - карьера писателя обеспечена. Худо, когда злой критик молчит о писателе, а когда он о нем звонит - в ноги ему надо кланяться.

Чехов несколько раз после того видался со мною, был у меня, у Шеллера, у Быкова. Стали все чаще и чаще появляться его рассказы.

- Услужите, - сказал он мне, - будьте товарищем, дайте какой-нибудь рассказ в "Новое время".

Мне, разумеется, не было ни малейшей надобности и ни малейшей выгоды появляться в "Новом времени" после того, как я писал в "Отечественных записках" и в особенности в либеральном "Вестнике Европы", который всеми силами души ненавидел "Новое время". Вообще в "Новом времени", по крайней мере, на первых порах, являлись Салтыков, Тургенев и другие тузы, а Стасюлевич не перебаривал Суворина, в особенности после фельетонов Буренина. Но мне ужасно не нравилось по временам, с какой